

Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97).
Political Linguistics. 2023. No 1 (97).

УДК 81'42
ББК Ш05.51

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8 (10.02.19)

doi: 10.26170/1999-2629_2023_01_09

Юлия Ринатовна Тагильцева^{1,2}

¹ Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия, jennifer1979@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2486-1377>

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Смысловые компоненты, выражающие культурные коды, в конфликтогенных поликодовых текстах

АННОТАЦИЯ. Исследование продолжает серию статей, посвященных специфике конфликтогенных поликодовых текстов. Поликодовые конфликтогенные тексты националистической направленности порой отличаются наличием комплекса стереотипов, обозначений вещей, явлений и процессов, характерных для той или иной культуры, соотносимых представителями молодежных националистических объединений/группировок с полем «Свой», расшифровка которых дает возможность вскрыть и понять их идеологические/политические воззрения, общественные убеждения и поведенческие императивы. В связи с этим возникла необходимость изучения культурных кодов тех культур, которые наиболее часто встречаются в исследуемых конфликтогенных текстах. Поскольку культурный код выступает своеобразной «сеткой», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, с помощью которой «членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 146], характерно существование определенного набора кодов, относящихся ко всем типам культур, но отличающихся друг от друга идейным содержанием, системой ценностей, убеждений и императивов. Опираясь на классификацию В. В. Красных, были вычленены и рассмотрены следующие культурные коды: 1) соматический (телесный); 2) пространственный (внутренний мир, личная зона, мир свой, мир чужой, а также социальные отношения); 3) временной; 4) предметный; 5) биоморфный (зооморфный мир и растительный мир); 6) духовный (ценности: нравственные, религиозные, эстетические, правовые, социальные, политические); 7) военный (архетипическая модель войны в культуре). Поскольку культурный код можно понимать как «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода», имеющих вербальное и/или невербальное воплощение, в исследуемых текстах особое внимание обращалось на вербальные (понятия, категории) и невербальные (символы, образы) компоненты, которые наиболее ярко отражали содержание национально-культурного менталитета этноса или субкультуры как социальной группы. В ходе проведенного анализа (выборка составила около 1000 текстов) были выявлены и описаны четыре типа культур, отражающие историко-культурные периоды развития (европейский (германский), восточнославянский (русский) и американский), а также социального развития современной молодежной среды: 1) русская культура; 2) германская культура, представленная двумя историко-культурными периодами — период древних германцев и нацистской Германии (1933–1945 гг.); 3) субкультурная сфера, представленная «Skinhead» и «Straight Edge»; 4) контркультурная сфера, представленная ультраправой расистской террористической организацией «Ку-клукс-клан», существующей в США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, национализм, конфликтогенные поликодовые тексты, лингвокультурология, культурные коды, вербальный компонент текста, невербальный компонент текста, молодежь.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Культуры, 3, к. 212; доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 414; email: jennifer1979@yandex.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-20091 «Конфликтогенные поликодовые тексты как инструмент деструктивного воздействия на общество в социальных сетях: когнитивное исследование и моделирование в рамках сетевого подхода»).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тагильцева, Ю. Р. Смысловые компоненты, выражающие культурные коды, в конфликтогенных поликодовых текстах / Ю. Р. Тагильцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 1 (97). — С. 77-88. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_09.

Yuliya R. Tagil'tseva^{1,2}

¹ Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia, jennifer1979@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2486-1377>

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Semantic Components Expressing Cultural Codes in Conflitogenic Polycode Texts

ABSTRACT. The study continues a series of articles devoted to the specificity of conflictogenic polycode texts. Conflictogenic polycode nationalist texts are sometimes distinguished by the presence of a complex of stereotypes, and the nominations of things, phenomena and processes characteristic of a particular culture, associated by representatives of

© Тагильцева Ю. Р., 2023

youth nationalist associations /groups with the field “Own”, the decoding of which makes it possible to reveal and understand their ideological/political views, public beliefs and behavioral imperatives. In this regard, it becomes necessary to study the cultural codes of those cultures that are most often found in the conflictogenic texts under study. Since the cultural code acts as a kind of “grid” that culture “throws” on the surrounding world, with the help of which it “divides, categorizes, structures and evaluates it” [Krasnykh 2003: 146], there is a certain set of codes relating to all types of cultures, but differing from each other in ideological content and systems of values, beliefs and imperatives. Drawing on the classification of V. V. Krasnykh, the following cultural codes were identified and considered: 1) somatic (bodily); 2) spatial (inner world, personal zone, one's own world, another person's world, as well as social relations); 3) temporal; 4) object; 5) biomorphic (zomorphous world and plant world); 6) spiritual (values: moral, religious, aesthetic, legal, social, political); 7) military (archetypical model of war in culture). Since the cultural code can be understood as “a set of signs and their combinations within a historico-cultural period” that have verbal and/or non-verbal expression, special attention was paid in the texts under study to verbal (concepts, categories) and non-verbal (symbols, images) components that most vividly reflected the content of the national-cultural mentality of an ethnos or a subculture as a social group. In the course of the analysis (the sample included about 1000 texts), four types of cultures were identified and described, reflecting the historico-cultural periods of development (European (Germanic), East Slavic (Russian) and American), as well as the social development of the modern youth environment: 1) Russian culture; 2) Germanic culture, represented by two historico-cultural periods - the period of the ancient Germans and Nazi Germany (1933-1945); 3) subcultural sphere, represented by “Skinhead” and “Straight Edge” movements; 4) the countercultural sphere represented by the ultra-right racist terrorist organization “Ku Klux Klan”, existing in the United States.

KEYWORDS: political discourse, nationalism, conflictogenic polycode texts, linguoculturology, cultural codes, verbal component of the text, non-verbal component of the text, youth.

AUTHOR'S INFORMATION: Tagil'tseva Yuliya Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Socio-cultural Development of a Territory, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia; Associate Professor of Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The given research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation (RSF) (Project № 22-18-20091 “Conflictogenic Polycode Texts as a Tool for Destructive Influence upon the Public on Social Networking Sites: A Cognitive Study and Modeling within the Framework of the Networking Approach”).

FOR CITATION: Tagil'tseva Yu. R. (2023). Semantic Components Expressing Cultural Codes in Conflictogenic Polycode Texts. In *Political Linguistics*. No 1 (97), pp. 77-88. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_09.

Поликодовые конфликтогенные тексты националистической направленности порой отличаются наличием комплекса стереотипов, обозначений вещей, явлений и процессов, характерных для той или иной культуры, расшифровка которых дает возможность вскрыть и понять идеологические/политические воззрения авторов, общественные убеждения и поведенческие императивы. В связи с этим возникает необходимость изучения такого явления, как культурный код. Культурный код, как отмечает ряд исследователей (К. Рапай, 2019; Дж. Александер, 2013; Н. Н. Изотова, 2020; Н. В. Худолей, 2017; Г. Ф. Горбунова, Е. А. Охладникова, 2021 и др.), представляет собой «систему координат, своеобразный шифр, позволяющий описать динамику культурного развития» [Изотова 2019: 189]. Он содержит в себе знаки, древнейшие архетипические представления, набор понятий и смыслов, позволяющих идентифицировать ту или иную национально-культурную ментальность, являющуюся «синтезом психологических и мировоззренческих установок, формирующих ценностно-смысловое пространство социума» [Худолей 2017: 644]. И здесь достаточно интересна точка зрения Н. А. Симбирцевой, которая считает, что вся эта «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода» [Симбирцева 2016:

161] получает «вербальное и/или невербальное выражение в текстах», что дает возможность рассматривать «мир представлений как текст, требующий прочтения» [Там же: 163]. В связи с этим основными содержательными элементами, позволяющими раскрыть ядро национально-культурного менталитета этноса, субкультуры или контркультуры, мы будем считать вербальные и иконические компоненты конфликтогенного поликодового текста, которые находят свою репрезентацию в следующих культурных кодах по В. В. Красных [Красных 2001: 5]:

1. Соматический (телесный) культурный код.
2. Пространственный культурный код.
3. Временной культурный код.
4. Предметный культурный код.
5. Биоморфный культурный код.
6. Духовный культурный код.
7. Военный культурный код.

Итак, в ходе проведенного анализа (выборка составила около 1000 конфликтогенных поликодовых текстов националистической направленности) нами были выявлены и описаны четыре типа культуры, отражающие историко-культурные периоды развития (европейский (германский), восточнославянский (русский) и американский), а также социальное развитие современной молодежной среды.

Первый тип — русская культура, которая представлена двумя историческими периодами: дохристианским (языческим) и христианским. Нами были рассмотрены следующие базовые культурные коды, соотносящиеся с архетипичными представлениями русской культуры.

1. Соматический (телесный) культурный код — осознание окружающего мира через осознание себя и наоборот: полученные об окружающем мире знания применяются для описания/понимания себя и наоборот — знания о себе применяются к природе. Особое место здесь занимают символичные функции разных частей тела человека. В исследуемых текстах нами были выделены два таких символа — «руки» как символ обладания (*«Светлое будущее в наших руках!»*; вербальный компонент сопровождается визуальным образом русских пейзажей) и «тело» как символ физического совершенства (*«Один в поле ВОИН, коль по-Русски скроен»*; вербальный компонент подкреплен образом русского богатыря, держащего меч в руке). Стоит отметить, что «руки» как символ обладания наиболее часто репрезентируется в иконическом компоненте: герой держит какой-либо предмет (нож, меч, топор или копье) в руках.

2. Пространственный культурный код прежде всего отражает членение мира, в котором находится человек, на *внутренний мир* (то, что находится внутри человека), *личную зону* (те фрагменты внешнего мира, которые являются собственностью человека, имеют отношение к его телу), *свой мир* (фрагменты внешнего мира, выходящие за личную зону, но воспринимаемые человеком как родное, близкое) и *чужой мир* (фрагменты внешнего мира, воспринимаемые человеком как чуждое, враждебное).

Итак, **внутренний мир** был представлен только символом «духа» (*«Дух тверже камня в борьбе бесконечной»*), сопровождаемым иконическим образом русского воина с боевым топором и щитом в схватке. **Личная зона** репрезентирована важнейшим меридианом мира *«шагом»*, связанным «с переходом за границу личной зоны, с выходом во внешний мир» (В. В. Красных): *«Сделай первый шаг к возрождению Руси!»* (сопровождается образом бегущего человека), *«Сквозь седые века по закону отцов Твердым шагом по жизни идешь...»*, *«Ни шагу назад На пути к свободе»*. Что касается **«своего мира»**, то он представлен прежде всего образами русской земли, ее пейзажами и номинацией ее локации: «Русь», «Россия», «Родина» (*«Братья славяне любите нашу русскую природу»*, *«За тебя моя земля*

смерти не боюсь», *«Любите родную землю так, чтоб той любви боялся враг»*, *«Руси быть!»*, *«Слава России!»*, *«Покуда жив, не топтать поганым Земли Русской!»*, *«Одна у человека мать, одна у него и Родина»*).

Стоит отметить и еще один факт: в некоторых текстах наблюдается выстраивание пространства не только по вертикали (связанное с тем, что находится на земле, в поле видимости человека), но и по горизонтали (от земли к небу). И здесь прослеживается сопряжение пространственного культурного кода с духовным, прежде всего с религиозными ценностями славян (*«Бог на небе, славяне на земле»*).

3. Временной культурный код прежде всего «фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется в отношении человека ко времени» [Красных 2001: 10]. В контексте исследуемых конфликтогенных поликодовых текстов время выступило как дискретная категория, «субъективной» единицей измерения которой стало понятие, выражающее максимальные промежутки времени, «вечность» («вечно»), поэтому здесь мы можем говорить о «вневременном» пласте. В связи с этим «вечность» является выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени, которое связано в основном с ратным делом русского воина — защитой своей территории от недругов, поэтому часто встречаются в текстах фразы типа *«Быть воином значит жить вечно»*, *«От Речи Жреца до Меча Бойца Ход Вечно Прямой Изведал да в Бой»*.

4. Предметный культурный код представляет собой «совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, и приписываемые им свойства» [Красных 2003: 147], которая «обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира» [Красных 2001: 12]. Таких метрически-эталонных объектов («капля», «нитка» и др.) в исследуемых текстах нам не встретилось, но выделился отдельный пласт предметов и объектов, отражающих социальные отношения.

Стоит отметить, что предметный код очень тесно связан с духовным через репрезентацию социальных отношений. Такими становятся здесь понятия «дом», «семья», «род», которые непосредственно определяют и отражают социальные отношения. Наиболее ярко в конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности представлено понятие «род», что

прежде всего продиктовано идеологическими положениями данного движения — род ставят во главу угла, поэтому все подчинено именно его поддержанию и сохранению. В связи с этим нами были выявлены следующие номинации этнической группы, отражающие родовую принадлежность: «славяне/славяночка» («**Славяне, держите кровь чистой**»), «Чудесные, милые **славяночки любимые**»), «славянский народ» («**Славянский народ есть войско родное**»), «русские/русская» («**Русские** идут», «**Россия для русских**»), «**Русская** укрепляет расовую и национальную сознательность»), «русский народ» («**Слава русскому народу!**»), «русичи» («**Время за Русь говорить русичам**»), «росичи» («**Вспомни свои корни, Росич!**»). На втором месте расположилось понятие «семья», оно менее распространено, чем «род», и здесь прослеживаются следующие вариации взаимодействия: «родители — отец и мать» («**Люби Русь папу и маму**»), «отец / отец — сын» («**У славян мужчина получал нож сразу после рождения Отец сам выковывал нож или заказывал у кузница**»), «...где встречаются **Отцы**, своих **Сыновей**...»), «мать», отождествляемая с русской землей («**Русь — наша Мать**»), «дети/потомки» как потомство от брачного союза мужчины и женщины («**Четверо детей в Вашей семье — это радость сегодня и бездетная старость завтра...**») и как указание на принадлежность к локальной и духовной сущности бытия («**Дети Великой Руси**», «**Потомок Богов**»), «семья» как сообщество, основанное на брачном союзе, и наличие в нем собственных детей («**Порядок в Себе. Порядок в семье. Порядок в стране**», «**Четверо детей в Вашей семье — это радость сегодня и бездетная старость завтра...**»), «семья» как сообщество без учета кровных и брачных уз, связанное духовной и взаимной моральной ответственностью («**Друзья — это семья, которую ты выбираешь сам**»). Наименьшее количество текстов связано с понятием «дом», с местом, где находятся «Свои», которые объединяются под кровом дома («**Гость остается гостем пока в доме есть хозяин!**»).

Отдельно стоит отметить, что к предметному культурному тесно примыкает артефактный культурный код, под которым «понимают любой искусственно созданный объект, имеющий символическое значение» [Левит 1998: 42]. В рамках данного кода была выявлена одна номинация предмета — оружия («нож»), которое ассоциируется с представлением о нем как о средстве реализации права на защиту себя, своей семьи и справедливости («**У славян мужчина полу-**

чал нож сразу после рождения Отец сам выковывал нож или заказывал у кузница»).

5. Биоморфный культурный код «связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, ... и представлениями человека о мире животных, о мире растений и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне, пересекаясь с двумя указанными мирами» [Красных 2001: 14]. Биоморфный код в конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности представлен двумя мирами — миром животных (зооморфный) и миром растений.

Зооморфный мир, сочленимый с бестиарным, репрезентирован стереотипными представлениями о двух животных — волке и медведе.

Волк является одним из центральных мифологизированных персонажей в славянской национальной традиции. Издавна человека привлекали в нем «независимость, свободолюбие, великолепные охотничьи свойства, смелость, решительность, ум; сложное человекоподобное поведение в „социальном“ плане (привязанность к семье, забота о потомстве), он внушал страх своей жестокостью, свирепостью, кровожадностью» [Дербенева 2016: 50]. Все это способствовало наделению волка в славянской фольклорной традиции различным функционалом: выступает хищником (погубителем), волшебным помощником (помогает герою в путешествии по миру «мертвых»), ему присущи демонические свойства (мотив оборотничества), выполняет космические функции (способен съесть или ослабить луну или солнце, что прежде всего характерно для волкодлаков), выступает медиатором между миром «живых» и «мертвых», связан как с нечистой (знается с ведьмами, а также способен уничтожить чертей, вампиров, мертвецов), так и божественной (связан с образами христианских святых, выступает небесным защитником — Господень волк) силами. Если говорить о конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности, то образ волка репрезентируется и в изобразительной, и в вербальной частях. Так, иконический компонент представлен образами одного волка (серым или белым) или пары (самец и самка) / стаей, а вербальный содержит отсылку к тем качествам, которые ценились человеком и вызывали у него страх: «свободолюбие, независимость» (иконический — воющий серый волк, вербальный — «**Что хочу то ворочу**»), «привязанность к семье» (иконический — пара волков с щенком, вербальный — «**Честь Верность**»; иконический — четверо серых волков на фоне зимнего леса, вербальный —

«Окружай себя теми, у кого такие же цели»; иконический символ — пара волков, вербальный компонент — «Порядок в Себе. Порядок в Семье. Порядок в Стране»), «смелость» (иконический — образ трех серых волков на фоне зимнего леса, вербальный — «Не Верь. Не Бойся. Не Проси. Во Славу Себя, Семьи да Руси»), «ум», «сила», «охотничьи свойства» (иконический — белый волк идет по засыпанному снегом лесу, вербальный — «Ведай! Воюй! Владей! Советью! Силой! Славой!»), «защита своей семьи и территории» (иконический — два белых воющих волка, вербальный — «Боле буди во Пасты Клыков Мене Буди да округ Пасты Ворогов»), «свирепость» (иконический — волк с оскаленной пастью, вербальный — «Слава Руси. Разорву врага Руси!!!»). Стоит отметить и тот факт, что с образом волка связана и функция отождествления его с представителями полюса «Свой» — «русичи», «русы» (иконический — белые волки, вербальный — «Время за Русь говорить Русичам»; иконический — три волка стоят над обрывом, один из них воет на луну; вербальный — «Вся Русь что Стоит что Ляжет Только Всеми Русами») и качествами, присущими им: «верность делу» (иконический — волк на фоне леса; вербальный — «Точный Бог. Точные Сведения. Точные Действия. Есть Точная Победа»), «честь» (иконический — серый волк, вербальный — «Лучше быть последним из волков, чем первым среди шакалов»). Как видим, образ волка в конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности имеет только положительную коннотацию.

Медведь тоже является центральным мифологизированным персонажем в славянской народной традиции, первоначально о нем бытовало представление как о чистом животном, поскольку нечистая сила не может принимать его облик, что и отличает его от волка. Культ медведя в дохристианских представлениях славян связан прежде всего с его почитанием как прародителя рода, группы или как существа, соотносимого с богом, являвшимся людям в образе этого животного, что свидетельствует об отголосках тотемизма. В этнологических и генеалогических легендах отмечается особая связь человека и медведя: во-первых, есть поверье, что «медведь произошел от человека, обращенного богом в медведя в наказание за провинность» (например, за убийство родителей, за негостеприимство, за честолюбие), во-вторых, «от союза медведя и женщины рождаются дети, обладающие богатырской силой, — сыновья-герои» [Гура

1997: 159–164]. Как и волк, медведь близко знается с нечистой (считается, что медведь или родной брат лешего, или служит ему как хозяину) и божественной (культ медведя связан с почитанием в дохристианской Руси бога Велеса (это его древнейшая охотничья форма), а в христианской частично переходит на святых Николая, Власия, Егория) силами [Марус 2003: 98], обладает демоническими свойствами (с ним связан мотив оборотничества) и выступает как символ здоровья и силы. В исследуемых конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности образ медведя представлен не в таком большом количестве, как волк, но в основном связан: во-первых, с отождествлением с Россией (иконический — бурый медведь на фоне российского флага, где в каждом цвете запечатлены образы: белый — марширующие солдаты на площади, синий — образы христианских святых, красный — образ Кремля в Москве; вербальный — «Многие годы все думали, что Россия на коленях А она просто зашнуровывала берцы»); во-вторых, с образом защитника (иконический — бурый медведь с разинутой пастью замахивается правой лапой и разрывает колючую проволоку, за ним возвышается символ коловрата — восьмилучевая правосторонняя свастика в русском неонацизме, вербальный — «Храни кровь чистой»; иконический — русский богатырь в оборонительной стойке с мечом в руках и щитом отражает удар справа, за ним стоит медведь с раскрытой пастью и отражает удар слева, вербальный — «Вместе победим»).

Что касается растительного мира, то он представлен в конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности только образами березы и ромашки. Так, образ березы связан с эталоном стройности молодой девушки, поэтому он и сопровождает в данных текстах образы славянских молодых женщин (иконический — девушка славянской внешности застенчиво улыбается и стоит на фоне берез, вербальный — «Русские девушки для русских парней»; иконический — в березовой роще девушку славянской внешности обхаживает демон, которому присущи внешние этнические признаки представителей народов Кавказа, вербальный — «Славянка! Не верь в „любовь“ кавказца!»). Что касается ромашки, то в славянской традиции ее принято считать одним из семи священных растений, она являлась символом здоровья, добра, нежности, красоты и целомудрия, а также самой России. В представленных текстах она встречалась дважды: первый раз она сопровождала образ девушки, подчеркивая ее нежность,

красоту, а во второй — как способ внесения положительных коннотаций в образ, воспринимаемый негативно в обществе: нацистская свастика выложена ромашками.

6. **Духовный культурный код** является субъективным кодом, «нашедшим отображение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования» [Маслова 2017: 494]. Поэтому данный код пронизывает все бытие человека, принадлежащего к той или иной национальной культуре, определяет и предопределяет его поведение, деятельность, оценки, даваемые себе и окружающему миру [Краснов 2001: 19].

Если говорить о духовном коде как о системе, то он включает в себя следующие ценности: нравственные, религиозные, эстетические, правовые, социальные и политические. Главными, составляющими ядро этого кода, являются религиозные и нравственные ценности, ибо они представляют собой, прежде всего религиозные, «способ осмысления народом и индивидом своего существования, своего места в мире» [Маслова 2017: 496], остальные — периферийные и регулируют светскую сторону жизни общества.

Исследовав специфику конфликтогенных поликодовых текстов националистической направленности, мы выявили следующие виды ценностей, регулирующих, по мнению авторов, духовную сторону русского народа: нравственные, религиозные, политические и социальные.

Нравственные ценности включают в себя этические идеалы, которых должны придерживаться все представители нации. Наиболее чтимыми качествами (и больше всего представленными) в исследуемых текстах стали: «верность» («Самая большая сила мужчины — любящая и верная девушка. Она — его честь, его вера и его достоинство», «Доблесть, **верность**», «Не те Василисы Прекрасные пошли... Раньше они побеждали зло умом, **верностью** и любовью»), «любовь» («Самая большая сила мужчины — любящая и верная девушка. Она — его честь, его вера и его достоинство», «Не те Василисы Прекрасные пошли... Раньше они побеждали зло умом, **верностью** и любовью»), «нравственность / красота души» («Высокая **нравственность** и душевная красота — это то, действительно ценят мужчины»), «скромность» («**Скромность** — украшение девушки. А скромная девушка — украшение любого мужчины!»), «правдивость» («Не та прекрасна, что красива А та которая всегда **правдива**»), «мужественность/женственность» («Секрет

Счастливой Любви Прост Мужчина должен быть **Мужественным** Женщина должна быть **Женственной**», «Время быть **сильным**»), «достоинство» («Будь **достойн** своих предков»), «жить по совести» («Основная заповедь славян: „Свято чтить своих богов и предков, **жить по совести** и в ладу с природой“»), «честность» («...Будь **Честен**, Горд, будь Храбр, Силен!»), «Велики Славяне! Дух, **Честь**, Отчество!»), «братство» («Славяне. Твой **брат** не всегда прав но он всегда твой **брат**»), «уважение к старшим» («Основная заповедь славян: „Свято **читать** своих богов и предков, **жить по совести** и в ладу с природой“»). На втором месте оказались религиозные ценности, представляющие собой основные догматы веры в сверхъестественное и связь человека с ним и отражающие исторические вехи развития веры — языческие и православные. К языческим ценностям можно отнести «веру в пантеон богов» («Яри, **Перун!** Слава! Слава! За дело Правое, за Землю Родную, за Роды наши!»), «Слава **Богам** и предкам нашим!»), «веру в родство с богами» («**Потомок Богов**», «Мой бог меня рабом не называл», «Ты **дитя Богов**, — сказали мне люди, похожие на богов»), к православным — «единобожие» («Мы русские С нами **Бог**», «**Бог** на небе славяне на земле»), «православная вера» («Русь **православная** свою страну мы никому не отдадим Мы здесь... Мы или погибнем или победим»). Стоит отметить и тот немаловажный факт, что для славян как языческого, так и православного периода отношение к родной земле практически совпадает: Русь — это порождающее все живое, обладающее жизненной силой, духовностью («За **Русь Святую** морду разобью любую», «**Святая Русь!**»). Политические ценности в исследуемых текстах не так ярко выражены, в основном они сводятся «к защите своей территории» («Русь **православная** свою страну мы никому не отдадим Мы здесь... Мы или погибнем или победим»). Что касается социальных, то они включают в себя нравственные, религиозные и политические.

Отдельно стоит подчеркнуть, что к духовному культурному коду в контексте славянской народной традиции относится и культурный код «справедливость», представляющий собой не только «универсальный моральный стереотип общечеловеческого сознания», но и предстающий «как регулятивный принцип прежде всего в политической и экономической сферах жизни общества» [Горбунов, Окладникова 2021: 64]. В конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности поня-

тие «справедливость» встречается в контексте заявления позиции сообщества полюса «Свой» («**Мы** — это социальная **справедливость**»), а также в синонимичном выражении «правое дело», т. е. «справедливое, правильное» («**За что я умереть не боюсь? За правое дело и славную Русь!**»), которое находит свое дальнейшее развитие в военном культурном коде русской культуры.

7. Военный культурный код. «Архетипическая модель войны в русской культуре — это, как правило, защита, оборона, но не агрессия, не нападение» [Гефнер 2019: 75], поэтому «война в сознании русского народа — это война за Отечество, за правое дело, во имя добра, любви, справедливости, поэтому сам Бог помогает русскому народу» [Там же, 76]. В представленных текстах реализуется именно такая коннотация в следующих словосочетаниях: «защита/защитить страны(у)» («**Будь достоин своих предков — защити страну от инородцев!**»), «очистить Русь» («**<...> Русь очисти от сволочей! Слава Руси!**»), «не отдать / не сходить с земли» («**Русь православная свою страну мы никому не отдадим Мы здесь... Мы или погибнем или победим**», «**Умри, но с Родной земли не сходи**»). И, как справедливо отмечает Ф. Н. Блюхер, установка о справедливой народной войне — «это культурный код русского народа» [Блюхер 2015].

Второй тип — германская культура, которая представлена двумя историческими периодами: период язычества древних германцев (северогерманские племена) и период нацистской Германии (1933–1945 гг.). Рассмотрим культурные коды этих периодов, реализуемые в конфликтогенных поликодовых текстах националистской направленности, по отдельности.

Период язычества у древних германцев

В исследуемых конфликтогенных поликодовых текстах нами были выявлены отголоски следующих культурных кодов древнегерманской культуры.

1. Пространственный культурный код древних германцев представлен в текстах лишь членением мира на две зоны — внутренний мир и свой мир. *Внутренний мир* представлен только символом «духа» («**И не падет мой дух под ударами судьбы**»), *свой мир* сопряжен только с религиозными верованиями, поэтому он имеет вертикальную пространственную направленность — от земли к небу, точнее к Вальхалле — небесному чертогу в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины и продолжают уже там свою героическую жизнь («**Кому не били по ебалу тот вряд ли попадет в**

Валгаллу», «**В Вальхалле мы снова встретимся вместе и кубки поднимем за пройденный путь**», «**Викинги не умирают, они уходят в Вальгаллу, чтобы перегруппироваться**», «**Мы воины Вальхаллы**»), — и сопровождается иконическим образом викинга в доспехах и с мечом или боевым топором в руках.

2. Предметный культурный код здесь связан только с духовным через репрезентацию социальных отношений и выражен только одним понятием «род»: «арии» («**Арийе кровь как подарок богов. Будь же достоин его!**»), «викинги» («**Викинги не умирают, они уходят в Вальгаллу, чтобы перегруппироваться**»).

Артефактный культурный код также представлен только номинациями предметов оружия — «меч» и «оружие» («**Одина дети мечи вверх поднимем Клятву дадим на оружии отцов Смерть свою в битве с достоинством примем Но поле брани засыплет телами врагов**»).

3. Биоморфный культурный код представлен только относящимся к зооморфному миру вороном (только иконически — сидящий на руке у жреца, изображение на полотне/лопасти боевого топора). Согласно скандинавской традиции, вороны (Хугин и Мунин, «думающий» и «помнящий») являлись спутниками бога Одина, в функционал которых входило информирование бога о всем, что происходило на земле [Бидерманн 1998: 48]. Возможно, этим и объясняется наличие данного образа в конфликтогенных поликодовых текстах, демонстрирующих романтизированные представления о викингах.

4. Духовный культурный код. Для периода язычества германских племен характерна очень тесная связь человека с природой, в связи с этим прослеживается возвеличивание различных природных объектов, прежде всего деревьев, лесных существ и наделение их магическими свойствами, что объясняется желанием объяснить для себя природный хаос и приспособиться к нему. В результате со временем сложный природный мир приобрел персонифицированный образ, что отразилось не только в религиозных практиках, но и в определенном его видении.

При исследовании специфики конфликтогенных поликодовых текстов националистической направленности было выявлено лишь несколько видов ценностей, отражающих, по мнению авторов, духовную сторону древних германцев: нравственные и религиозные. Именно эти ценности и составляют ядро духовного культурного кода. Среди нравственных было упомянуто «достоинст-

во» («*Ариев кровь как подарок богов. Будь же достоин его!*»), религиозные связаны с архаичными представлениями древних германцев о природе, например, с наделением ее сверхъестественными свойствами, а также прослеживаются в некоторых мифологических мотивах происхождения людей не только от животных, но и от деревьев («*Лес — мой храм*»), в «вере в родство с богами» («*Одина дети мечи вверх поднимем Клятву дадим на оружии отцов Смерть свою в битве с достоинством примем Но поле брани засыплем телами врагов*»), «вере в переход в иной мир, если пал на поле битвы с мечом и щитом в руках», что являлось целью всей жизни древнегерманского воина («*В Вальхалле мы снова встретимся вместе и кубки поднимем за пройденный путь*», «*Викинги не умирают, они уходят в Вальгаллу, чтобы перегруппироваться*», «*Мы воины Вальхаллы*»).

5. Военный культурный код. Поскольку древнегерманские племена отличались воинственным духом, безрассудной храбростью и военными походами с целью захвата добычи и новых земель, а также междоусобными войнами, то война в их сознании — образ и стиль жизни, способ выживания и обогащения, они живут и умирают в битве («*Одина дети мечи вверх поднимем Клятву дадим на оружии отцов Смерть свою в битве с достоинством примем Но поле брани засыплем телами врагов*»).

Период нацистской Германии

Нами были выявлены следующие культурные коды, характеризующие культуру нацистской Германии (1933–1945 гг.).

1. Соматический культурный код представлен только символьной функцией такой части тела человека, как «рука». В исследуемых текстах символ «руки» представлен как символ обладания (иконический — семейная пара нордического типа держит в руках или обнимает своих детей, фоном выступают элементы пейзажа и/или гербовый символ черного орла с распростертыми крыльями, держащего в когтях венки со свастикой, и символ восходящего «Черного солнца»; вербальный — «*Светлое завтра в наших руках!*»).

2. Пространственный культурный код представлен только внутренним миром и своим. *Внутренний мир* репрезентирован символами «воля» и «дух» (иконический — восхождение от свастики к символу «Черного солнца», вербальный — «*От Триумфа Воли к Триумфу Духа*»), свой мир включает в себя образ места, в который входят только германские территории «расово чистого» государства «арийской расы», находящиеся

в подчинении у национал-социалистической партии. Таким обозначением выступает Третий рейх — государство, которое воспринимается автором конфликтогенных поликодовых текстов националистической направленности как идеальное политическое устройство («*Смотрю „Третий Рейх в цвете“ — выглянул на улицу и заплакал*»).

3. Временной культурный код. В рамках исследуемых текстов время также выступило как дискретная категория, имеющая единицы измерения как единой метрической системы — «завтра» («*Светлое завтра в наших руках!*»), так и «субъективные», выражающие максимальные промежутки времени и репрезентированные понятиями «вечность» и «бесконечность», являющимися, с одной стороны, выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени, а с другой — относящимися к тому, что находится за пределами мира, жизненного пространства; ассоциируется с тем, что за горизонтом и чему нет конца (вербальный — «*Освещай нам путь светом! прямо в бесконечность, прямо в вечность*»; иконический — свастика в образе звездной системы, где естественные космические объекты вращаются вокруг нее). Здесь можно отметить и тот факт, что одной из сакральных ценностей Третьего рейха считалось именно бессмертие, непосредственно связанное с категорией времени — «вечностью».

4. Предметный культурный код репрезентирован только социальными отношениями: понятиями «род» и «армия как профессиональное сообщество». Так, «род» представлен только наименованием расовой группы «арийцы» («*Че смотришь? Ариец я! Хочешь зигану?*»), что касается номинации «армия», то здесь выявлены номинации военных категорий, таких как «солдат» и «вождь» («*Ты вождя солдат*», «*Дружелюбность этого солдата Рейха просто зашкаливает*»).

5. Биоморфный культурный код исследуемых конфликтогенных поликодовых текстов националистической направленности представлен зооморфным миром и миром растений.

Зооморфный мир репрезентирован представлениями о двух животных / пернатых — собаке (немецкой овчарке) и орле.

Как известно, собака выступает символом верности и бдительности, а нередко и стражем, а немецкая овчарка всегда считалась умной, исполнительной, отлично поддающейся дрессуре и обладающей беспредельной преданностью своему хозяину и относилась к «арийским» породам собак, выведенным на территории Германии, поэтому

понятна была особая любовь нацистов к этой породе. В отобранных для исследования текстах было найдено лишь одно упоминание, репрезентированное в вербальной части («Я вижу костры из книг, я слышу **овчарок** лай. Если один скажет „зиг“ — миллионы ответят „хайль“»), а в остальных случаях образ представлен иконически, как верный спутник немецкого солдата.

Поскольку орел выступает как символ бесконечной власти и обороноспособности, прозорливости, то его образ очень часто использовался как геральдический символ. В германской традиции орел в качестве геральдического символа известен еще со времен основания Священной Римской империи (962 г.). Что касается нацистской Германии, то он играл важную роль в ее символике и был выбран в качестве государственного и символа партии НСДАП не просто так: во-первых, в антисемитском германском фольклоре орел считался «арийцем в животном мире» [Пленков 2004: 399], во-вторых, образ парящего орла должен был символизировать «постоянно растущее влияние НСДАП» [Маковский 2013: 105]. В исследуемых поликодовых текстах, в которых представлена пропаганда идеологии нацистской Германии, иконический образ партийного и государственного орла становится ключевым элементом.

Растительный мир представлен в конфликтных поликодовых текстах националистической направленности только образом венка из дубовых листьев, находящегося в когтях черного орла. Издавна у германцев дуб считался мужским деревом, поэтому выступал покровителем воинов и мужчин, а его листья символизировали воинскую доблесть. Не случайно именно самым «дорогим знаком отличия» у воинов считался венок, сплетенный из дубовых веток и врученный лучшему герою за его доблесть на поле брани (в римской же традиции это были полевые цветы, сорванные солдатами на поле битвы и врученные за спасение армии).

6. **Духовный культурный код** нацистской Германии в представленных конфликтных текстах националистической направленности вообрал в себя лишь политические (идеологические) и нравственные ценности. Так, к нравственным можно отнести те этические идеалы, которых должны придерживаться представители нордической расы: «злость» («Трезвая и злая молодежь»), «верность» («Моя честь зовется **верность**»), «честь» («**Честь** — это богатство, за которое не жаль умереть», «Моя **честь** Моя **верность**»), «стремление к совершенству» («С юных лет идем правильной тропой **уберменша**»),

«дружелюбность» («**Дружелюбность** этого солдата Рейха просто зашкаливает»). Что касается политических ценностей, то они реализовались в лозунгах НСДАП и девизах детско-юношеских организаций: «Чистая кровь», «Кровь и почва», «Честь и кровь», а также в приверженности национал-социализму и понимании его сущности («**Национал-социализм** — один путь для страны»).

Что касается религиозных ценностей, то они в конфликтных поликодовых текстах представлены лишь иконически в виде символов нацистского оккультизма. К таковым можно отнести свастику, которая выступала символом арийской расы; крест, символизовавший связь Третьего рейха с его героическим прошлым; «Черное солнце» как символ духовного просветления.

7. **Военный культурный код** нацистской Германии в основном продолжал традиции древних германцев, что отчетливо прослеживается в конфликтных поликодовых текстах через такие образы и понятия, как «бороться», «борьба/драка» (иконически — на фоне военной техники (танков, самолетов, гаубиц) — запечатлен образ немецкого солдата в профиль; вербальный компонент — «Кто хочет жить, тот должен **бороться**, а кто в этом мире вечной **борьбы** не хочет участвовать в **драке**, тот не заслуживает права на жизнь»), мир, добытый в битве (иконический элемент — выжженная земля, на которой догорают разрушенные деревянные дома; вербальный — «Мир должен быть добыт **победой**, а не соглашением»), уничтожение врага — через глагол «давить» (иконический — черный орел с буквой «В» в когтях, парящий над танком, на фоне восходящего символа «Черного солнца»; вербальный — «Социальная Сеть **Дави** интеллектом»).

Третий тип — субкультурный. Субкультура представляет собой социальную общность, социокультурный опыт которой кодируется, хранится и распространяется посредством вербальных и невербальных составляющих в ходе социального взаимодействия членов группы. Данный тип представлен такими социальными группами, отличающимися от большинства своим мировоззрением, поведенческим императивом, внешним видом, системой ценностей и убеждений, как «Skinhead» и «Straight Edge» (философское ответвление панков). Стоит сразу отметить, что в исследуемых конфликтных поликодовых текстах националистической направленности эти две субкультуры порой представлены в своеобразном

единстве: «Skinhead» разделяют идеи ЗОЖ «Straight Edge» (отказ от спиртного, наркотиков и табака, клеймение беспорядочных половых связей), но отличаются от них радикальными убеждениями.

Итак, нами были выявлены лишь некоторые культурные коды этих субкультур.

1. Соматический культурный код. Для обеих субкультур характерен культ «тела», прежде всего физически здорового, поэтому в текстах он представлен следующим образом: иконический компонент — накачанный молодой человек, имеющий спортивное телосложение (чаще всего бритоголовый), вербальный — *«В здоровом теле — здоровый дух»*. Отдельно стоит отметить, что для «Straight Edge» характерен символ «руки с крестом на тыльной стороне» как отказ от трех пагубных привычек: Х — нет алкоголю, Х — нет курению, Х — нет наркотикам. Как правило, он используется в поликодовых текстах иконически: представлен либо сжатой в кулак ладонью, на тыльной стороне которой изображен крест, либо тремя большими буквами: «XXX».

2. Пространственный культурный код в этих субкультурах представлен только *внутренним миром*, где главным символом становится «дух», прежде всего здоровый (*«В здоровом теле — здоровый дух!»*).

3. Предметный культурный код (прежде всего вещный) представлен только у «Skinhead» в виде черного ботинка как символа этой субкультуры. Так, в исследуемых поликодовых текстах чаще всего этот образ встречается с белыми шнурками, указывающими на ультраправые воззрения владельца такой обуви, реже с черными — свидетельствующими о нейтралитете к субкультурам, в одном тексте — с красными шнурками, что говорит о владельце как о приверженце антифашистских или леворадикальных идей (это подтверждает и вербальный компонент «Good night antifa scum»). И здесь необходимо сделать дополнение: ботинки воспринимались не только как отличительный знак представителя этого сообщества, но и выступали своеобразным «оружием», используемым в борьбе (*«Крепким ботинком пора давить любое левое говно»*).

4. Духовный культурный код «Skinhead» и «Straight Edge» представлен нравственными и социальными (общественными) ценностями. К нравственным можно отнести пропаганду здорового образа жизни (иконический — спортивного телосложения молодой человек, бритоголовый, со скрещенными на груди руками, вербальный — *«В здоровом теле — здоровый дух! Оставайся белым!»*; иконический — в левой части зачерк-

нуты знаки «телевизор», «сигарета», «шприц», «банка энергетика», в середине — лавровый венок с надписью «Русь», в правой — знаки «рука культуриста», «символ коловрата», «скинхед с ботинком на фоне националистского флага», «ЗОЖ»; вербальный — *«Мы — новое поколение»*). На этом заканчиваются сходства исследуемых субкультур.

Социальные ценности представлены только общественными убеждениями «Skinhead» — пропаганда праворадикальных способов решения проблем с «несогласными» в обществе (*«Крепким ботинком пора давно давить любое левое говно»*, *«Люди которые называют подобные ботинки говнодавами правы ведь затем именно их этими ботинками и давят»*).

Четвертый тип — контркультурный.

В широком смысле контркультура, как отмечает М. В. Миндолина, возникает, когда «некая группа в результате неудовлетворенности доминирующей моделью культуры начинает вырабатывать свою собственную модель, стремится изменить существующий строй и установить иной порядок, по-новому расставить акценты в ценностных приоритетах. Стержнем контркультуры являются положительные и отрицательные аспекты действия, которые вступают в противостояние, оппозицию основной культуре, отрицание ее норм и ценностей, которое перерастает либо в „чистое“ разрушение основной, либо, отрицая основную, способствует зарождению и развитию новой „положительной“ культуры» [Миндолина 2006]. В качестве примера контркультуры были рассмотрены «культурные коды» ультраправой террористической организации в США «Ку-клукс-клан», поскольку в некоторых конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности были представлены ее символика и основные положения. Но стоит сразу оговориться, что данный тип культуры, представленный «Ку-клукс-клан», зиждется на принципе разрушения господствующей культуры.

В ходе анализа были выявлены следующие культурные коды:

1. Предметный культурный код представлен только социальными отношениями, прежде всего понятием «раса»: «белый» (иконический — человек в одежде члена КKK, вербальный — *«Trust me I'm White»*), «белая раса» (*«Жизнь как зебра, замыкает круг белая раса, черный труп»*).

2. Духовный культурный код представлен только социальными (общественными) ценностями: пропаганда превосходства «бе-

лой расы» над негроидной («*Смотрю на негров с висока в униформе ККК*»), пропаганда физического уничтожения представителей негроидной расы через повешение и сожжение (иконический — три члена ККК в белой форме стоят в лесу у края вырытой ямы, вербальный — «*Три метра над уровнем НЕГРА*»; иконический — улыбающийся человечек в форме ККК стоит с факелом в руке, вербальный — «*Душечки-американские Достали свои пушечки Ворвались в Белый Дом Устроили погром Сожгли Барака Обаму Честь и Слава Ку-клус-клану!!!*»).

Итак, анализ исследуемых конфликтогенных поликодовых текстов националистической направленности показал следующее. Во-первых, наиболее полное воплощение в конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности нашла восточнославянская (русская) культура, пронизанная фольклорными и религиозными/нравственными представлениями о русском народе. На втором месте разместилась западноевропейская (германская) культура, представления о которой прежде всего овеяны романтизмом древнегерманского историко-культурного периода, а также связаны с идеализацией нацистского государственного режима. Менее выраженными оказались субкультурная («Skinhead» и «Straight Edge») и контркультурная («Ку-клус-клан») сферы, при обращении к которым акцент в основном делался на общественных убеждениях этих направлений. Именно эти культуры авторы рассмотренных текстов отождествляют с полюсом «Свои», и порой они выступают как некий идеал, эталон поведенческого и нравственного императива. Во-вторых, моделирование культурного кода древнегерманских племен и нацистской Германии все же проходило сквозь призму русского культурного кода, ибо автор конфликтогенных поликодовых текстов являлся не только носителем русского языка, но и русской культуры. Поэтому в некоторых случаях наблюдалось приписывание одной культуре тех черт, которые для нее были не характерны. В-третьих, для обращения ко всем культурам — восточнославянской (русской), западноевропейской (германской), субкультуре и контркультуре, культурные коды которых были выявлены в конфликтогенных поликодовых текстах националистической направленности, характерен налет романтизма, поверхностное объяснение императивов, системы убеждений, верований и ценностей, что связано, скорее всего, с незнанием специфики самой культуры, истории ее становления и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов : пер. с нем. / Г. Бидерманн ; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. — Москва : Республика, 1996. — 335 с. — Текст : непосредственный.
2. Блюхер, Ф. Н. Война и Россия / Ф. Н. Блюхер. — Текст : электронный // Vox : электронный филос. журн. — 2015. — Вып. 18. — URL: <http://vox-journal.org/html/issues/299/305> (дата обращения: 07.12.2022).
3. Гефнер, О. В. Образ войны в русском культурном архетипе / О. В. Гефнер. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 74–78.
4. Горбунов, Г. Ф. Российские культурные коды «справедливость» и «благо/благополучие»: трансформация под воздействием образовательных, экономических и политических факторов / Г. Ф. Горбунов, Е. А. Окладникова. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2021. — № 201. — С. 63–76.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с. — Текст : непосредственный.
6. Дербенева, Л. В. Волк в бестиарном культурном коде: спаситель, погубитель и культурный герой / Л. В. Дербенева. — Текст : непосредственный // Литературоведение. — 2016. — Вып. 3 (27). — С. 48–57.
7. Изотова, Н. Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук / Н. Н. Изотова. — Текст : непосредственный // Culture and Civilization. — 2020. — Vol. 10. — Iss. 3A. — P. 185–191.
8. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — Вып. 19. — С. 5–19.
9. Красных, В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). — Москва : [б. и.], 2003. — С. 146–148.
10. Левит, С. Я. Культурология. XX век : энциклопедия. Т. 1 / С. Я. Левит. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — Текст : непосредственный.
11. Маковский, Ю. В. Символика нацистского движения в Германии в 1920–1940-е гг. / Ю. В. Маковский. — Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. — 2013. — № 1. — С. 104–106.
12. Марус, Р. А. Культ медведя у восточных славян / Р. А. Марус. — Текст : непосредственный // Россия и АТР. — 2003. — № 3 (41). — С. 96–100.
13. Маслова, В. А. Духовный код и его роль на пути единения восточных славян / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы. — 2017. — Article 33. — P. 491–500.
14. Миндолина, М. В. Контркультура: сущность и существование : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Миндолина М. В. — Белгород, 2006. — 29 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/kontrkultura-sushchnost-i-sushchestvovanie> (дата обращения: 12.12.2022). — Текст : электронный.
15. Пленков, О. Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера / О. Ю. Пленков. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2004. — 480 с. — Текст : непосредственный.
16. Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 157–167.
17. Худолей, Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах / Н. В. Худолей. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: язык и специальность. — 2017. — Т. 14. — № 4. — С. 643–653.

REFERENCES

1. Bidermann, G. (1996). *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols] (Transl. from German, total ed. and foreword by I. S. Svetsitskaya). Moscow: Respublika, 335 p. (In Russ.)

2. Blyukher, F. N. (2015). *Voyna i Rossiya* [War and Russia]. *Vox* (electronic philosophical magazine), 18. Retrieved Dec. 7, 2022, from <http://vox-journal.org/html/issues/299/305> (In Russ.)
3. Gefner, O. V. (2019). *Obraz voyny v russkom kul'turnom arkhetepe* [The image of war in the Russian cultural archetype]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 24(2), 74–78. (In Russ.)
4. Gorbunov, G. F., & Okladnikova, E. A. (2021). Rossiyskie kul'turnye kody «spravedlivost'» i «blago/blagopoluchie»: transformatsiya pod vozdeystviem obrazovatel'nykh, ekonomicheskikh i politicheskikh faktorov [Russian cultural codes “justice” and “welfare / well-being”: transformation under the influence of educational, economic and political factors]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, 201, 63–76. (In Russ.)
5. Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyansko narodnoy traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 912 p. (In Russ.)
6. Derbeneva, L. V. (2016). Volk v bestiarnom kul'turnom kode: spasitel', pogubitel' i kul'turnyy geroy [Wolf in the Bestiary Cultural Code: Savior, Destroyer and Cultural Hero]. *Literaturovedenie*, 3(27), 48–57. (In Russ.)
7. Izotova, N. N. (2020). Kul'turnyy kod kak ob'ekt issledovaniya sotsial'no-gumanitarnykh nauk [Cultural code as an object of research in the social sciences and humanities]. *Culture and Civilization*, 10(3A), 185–191. (In Russ.)
8. Krasnykh, V. V. (2001). Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (invitation to conversation)]. In V. V. Krasnykh, & A. I. Izotov (Eds.), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (collected articles, Iss. 19, pp. 5–19). Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
9. Krasnykh, V. V. (2003). Predmetnyy kod kul'tury v russkom kul'turnom prostranstve [Subject code of culture in the Russian cultural space]. In *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy* (Materials of the Intern. scientific conf., Moscow, 2002, June 8–10, pp. 146–148). Moscow. (In Russ.)
10. Levit, S. Ya. (1998). *Kul'turologiya. XX vek : entsiklopediya* [Culturology. XX century: encyclopedia] (Vol. 1). St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
11. Makovskiy, Yu. V. (2013). Simvolika natsistskogo dvizheniya v Germanii v 1920–1940-e gg. [Symbolism of the Nazi movement in Germany in the 1920s–1940s.]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 1, 104–106. (In Russ.)
12. Marus, R. A. (2003). Kul't medvedya u vostochnykh slavyan [Bear cult among the Eastern Slavs]. *Rossiia i ATR*, 3(41), 96–100. (In Russ.)
13. Maslova, V. A. (2017). Dukhovnyy kod i ego rol' na puti edineniya vostochnykh slavyan [Spiritual code and its role on the path of unity of the Eastern Slavs]. In *Universitetskaya slavistika: traditsii, sovremennoe sostoyanie, perspektivy* (Art. 33, pp. 491–500). (In Russ.)
14. Mindolina, M. V. (2006). *Kontrkul'tura: sushchnost' i sushchestvovanie* [Counterculture: essence and existence] [Abstract of Diss. of Cand. of Philosophy Sciences]. Belgorod, 29 p. Retrieved Dec. 12, 2022, from <https://www.dissercat.com/content/kontrkultura-sushchnost-i-sushchestvovanie> (In Russ.)
15. Plenkov, O. Yu. (2004). *Tretiy reykh. Sotsializm Gittera* [Third Reich. Socialism of Hitler]. St. Petersburg, 480 p. (In Russ.)
16. Simbirtseva, N. A. (2016). «Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaya kategoriya [“Code of culture” as a cultural category]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 157–167. (In Russ.)
17. Khudoley, N. V. (2017). Natsional'nyy kod kul'tury i ego aktualizatsiya v poslovitsakh, pogovorkakh i klassicheskikh literaturnykh tekstakh [National code of culture and its actualization in proverbs, sayings and classical literary texts]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyk i spetsial'nost'*, 14(4), 643–653. (In Russ.)